

СЛАВИК

Его появление в полку было отмечено печатью таинственности и напоминало маленький спектакль для измученной пехоты второго батальона. Правда, спектаклю предшествовала небольшая репетиция, на которую вначале никто не обратил внимания...

Ранней весной 1984 года штаб отдал распоряжение разбить на территории городка спортплощадку для занятий рукопашным боем. Ну, отдали и отдали – мало ли какая блажь придет в голову деловитым штабистам. На разводах командиры взводов стали выделять на строительство по три-четыре человека, и те до обеда лениво били ямки под тренажерные столбы. Мы надеялись, что пустыми лунками все и закончится, как не раз заканчивались громкие затеи штабистов. Но вдруг оказалось, что площадка нужна кому-то по-настоящему. И тогда полкач отрядил на строительство ремонтную роту. Та взялась за дело рьяно, по-стройбатовски, и через неделю работы были окончены.

Ремонтники сделали засыпанный песком прямоугольник, примерно пять на три, по нашим предположениям, для спарринга. Потом соорудили несколько стандартных армейских тренажеров и под конец основательно, метра на полтора, вкопали и забетонировали толстенный чуть ли не телеграфный столб, предварительно обмотав его на всю двухметровую высоту пеньковым канатом.

Мы только пальцем у виска покрутили - на кой он нужен?! Это что – ломом по нему лупить? Или чем? Ногами невозможно, на первой же тренировке без них останешься; руками тем более, все суставы и кости попереломаешь: столб ведь ни на миллиметр не амортизирует, а от каната бугры толщиной в два пальца. И вообще, для чего здесь, в Афганистане, нужен рукопашный бой? Пленных увечить? Так много ума для этого не надо, без специальных навыков хорошо получается! И последнее: кто обучать будет?

Одним словом, неделю поговорили, посмеялись и забыли. Никто на площадке, естественно не занимался. А потом появился он...

Батальон ушел на сутки в район кишлака Раджани и далее на восток. За первую ночь сделали марш-бросок по круговому хребту в тридцать шесть километров, утром спустились в долину, прочесали зеленую зону, обшарили парочку селений и по тому же маршруту к следующему утру вернулись в расположение полка.

Какое-то хмурое, озлобленное, не весеннее утро, растянутые колонны усталых, голодных, тридцать часов не спавших солдат бредут через плац в палаточный городок. В пятой и шестой ротах несколько раненых. Все, как звери, злы, попадешь под руку – удушат. И что видят эти добряки-интернационалисты?

А видим мы, что на площадке для рукопашного боя какой-то чистенький и холеный тип в дорогом эластиковом спортивном костюме медленно отрабатывает простенькую связку на три движения. Ему тут же достаточно громко предложили в следующий раз прошвырнуться с нами и не заниматься на глазах у всех солдат онанизмом, а потом и вовсе обложили в три этажа. Он даже ухом не

повел... Ну и нам, впрочем, было не до него, тем более понятно, что офицер – рожу так просто не начистишь.

Вообще добровольные спортивные занятия в свободное от службы время у нас воспринимались не иначе, как тяжкое половое извращение, и тому было серьезное обоснование. Поскольку самыми мучительными для нас были именно непомерные нагрузки, то и физподготовка была соответствующей. По четным дням мы бегали кроссы на шесть-семь, а то и десять километров, по нечетным – три километра в виде разминки и час занятий на спортгородке. Это все только утренняя зарядка. Три раза в неделю проводились отдельные двухчасовые тренировки – полоса препятствий, турники, брусья, канат и прочее. По воскресеньям кросс на время – один километр. Называлось сие – спортивный праздник. Рота, даже уложившаяся в норматив, но пробежавшая хуже остальных подразделений, а также по три человека из каждого взвода вне зависимости от времени, пришедшие последними к финишу, составляли сборную «штрафников-рекордистов». В воспитательных целях штрафники бежали еще раз, но уже после обеда. Плюс ко всему постоянные тактические подготовки и стрельбы, на которые обычно не шагом ходили. Ну и в первую очередь, конечно же, сами операции – всем тренировкам тренировка.

Офицеров все это касалось в меньшей степени – у них своих дел хватало с избытком, и они даже на утреннюю зарядку являлись два-три раза в неделю. И тут – на тебе! Мало того, что спортсмен, так еще и «каратюга»! День-два мы поглазели, а потом махнули рукой – придурок! Тогда же выяснилось, что это прапорщик, да еще и тыловичок – прибыл на артиллерийские склады по расширенному штату. В глазах пехоты – полное ничтожество, моральный урод и покойничек. Сразу крест поставили. Но тыловичок, судя по всему, так не считал – каждое утро после развода и каждый вечер перед отбоем, решительно наплевав на табель о рангах, по два-три часа упорно колотил свои тренажеры.

В армию я пришел уже более-менее опытным боксером и к тому же ярким членом полуподвального каратистского движения. Поэтому я не сразу заинтересовался прапорщиком-тыловиком. Мало ли таких было в части? Придут, недели две помашут ногами, и все – скончалось боевое искусство: служба засосала. Или, еще лучше, начнут заниматься, примитивно пропустят слева по печени и... начинаются разговоры о бесконтактных поединках, пути До, медитациях, энергиях Цы и прочих масонских штучках этой новоявленной религии.

Начало нашего знакомства с прапорщиком положил случай.

Где-то через неделю после операции в Раджани, поздним вечером, я обратил внимание на какую-то странную канонаду. Вечернее многочасовое буханье артиллерии – в полку дело обычное, и поэтому низкие и глухие, монотонные удары я поначалу просто пропустил мимо ушей. А потом вдруг сообразил, что это ведь не стрельба. Тогда что же это могло быть перед самым отбоем, да еще и в течение целого часа?

Как дедушке было ни лень, а все же я встал и выполз из палатки. Ритмичный гул доносился с территории спортгородка. Это уже становилось интересно, и, закурив, я не спеша поплелся по краю плаца к самому концу – к площадке рукопашного боя. И когда дошел, увидел и осознал, что там происходило, то не просто обомлел, а был всерьез напуган всем увиденным.

Раздражавший нас по утрам своим дорогим костюмом, часовыми растяжками медленными и нудными исполнением простейших движений и ударов, прапорщик предстал предо мною в совсем ином, судя по всему, истинном своем облике. И я воочию узрел живую машину для быстрого и эффективного убийства себе подобных. Не было эластика, кроссовок и неспешных движений, но это не главное – ощутимая перемена произошла в самом облике, в самой сути. Нанося просто чудовищные удары, мужик видел перед собой не обмотанный веревками столб, а противника, которому эти удары предназначались. Правда, об этом я узнал чуть позже из слов самого же прапорщика.

Сегодня он был в обыкновенных солдатских х/б и высоких ботинках, но наносил все тот же удар из той же виденной-перевиденной нами связки: корпус вполборота, наполовину вытянутые, ладонями вниз, расслабленные руки на уровне груди, и сам удар – что-то среднее между прямым и боковым, передним срезом каблука и подошвы в область голени воображаемого противника. Нечто похожее есть в тайландском боксе. И так монотонно, без перерывов, раз за разом – десять правой, поменялся – десять левой, и вновь смена стойки.

Что творилось со столбом. Он дрожал, сотрясался от бетонированного основания до самой верхушки. Колебался с заметной глазу амплитудой и при этом гудел, как колокол.

Смотреть на все это было страшно: нечеловеческая сила ударов, хладнокровный расчет и, главное, странная какая-то деловитость, рутинная монотонность, с которой прапорщик тренировался.

Я замороженно смотрел на него минут двадцать; прапорщик не обращал на меня никакого внимания и не останавливался. Я представил, что пропускаю такую «комбинашку» на ринге или в бою и почти ощутимо почувствовал хруст собственных костей. Невольно вздрогнул и дал себе слово никогда не иметь с прапорщиком никаких дел и вообще даже не подходить к нему. С этим я и вернулся в палатку. Но на следующее утро я и еще трое моих сослуживцев начали двухнедельную осаду прапорщика.

Очень редко, но случается, что даже в армии подхалимаж не проходит. Исключительные случаи... и всегда неожиданные.

Сговорившись ночью, мы во время физзарядки отделились от вяло разминающейся братии, и двинулись на площадку. Держались, насколько это возможно для старослужащих, вежливо, и речь наша была вполне нормальной:

– Товарищ прапорщик! Вы бы нас чему научили, а то нам надо... В полку же в этом деле никто не рубит!

Прапорщик развернулся к нам лицом, бегло, но внимательно осмотрел развязные фигурки дедов, задержал на мгновение взгляд на мне, видимо, узнав вчерашнего соглядатая, а потом как-то нехорошо улыбнулся и тихо спросил:

– На шпагат садитесь?

Мы удивленно замялись и не в лад протянули:

– Нет!

Прапорщик неопределенно кивнул, как бы недоумевающе поднял левую бровь и коротко отрезал:

– Свободны!

Нам не оставалось ничего другого, как развернуться и уйти. Мы так и сделали, но на следующее утро вернулись снова. Правда, с просьбами о наставничестве пока не подходили, а стали самостоятельно заниматься рядом, по возможности перенимая, или просто копируя то, что делал он.

За полтора года до армии меня примерно таким же способом отшили каратисты, у которых я потом проходил первые азы искусства реального поединка. Я вовремя вспомнил об этом и сказал ребятам, что прапорщик нас просто проверял. На самом же деле вопрос о нашем ученичестве практически решен. По моим наблюдениям, у профессионалов есть одно уязвимое место, если профи действительно профи, то он не потерпит рядом с собой дилетанта и либо начнет его выживать, либо станет подтягивать. Оказался прав...

Две недели, не считая одного трехдневного перерыва на операцию, мы каждое утро приходили на площадку и по полтора-два часа тянули связки и молотили столб. До шпагата, правда, было еще далеко, да к тому же на третий-четвертый день интенсивных растяжек мышцы заболели так, что ни я, ни мои друзья уже при прямых ногах не доставали до земли даже кончиками пальцев. Но отступить нам было поздно, и мы, если получалось, приходили на площадку и по вечерам. Теперь даже самые недоверчивые убедились, на что способен прапорщик.

Дней через десять он сдался: подошел утром еще до того, как мы начали свои жалкие потуги, и спросил:

– Сколько вас?

– Трое.

– А еще один где?

– Надоело...

– Вечером свободны?

Мы переглянулись:

– Да че там – свободны!

– Хорошо. Немного разомнитесь, тянуться не надо. Подойдете в девятнадцать ноль-ноль. Ясно?

Кто-то поинтересовался. Как нам к нему обращаться. Он коротко ответил:

– Славик.

Хорошее обращение для армии!

Тот, кто служил, прекрасно знает, что армия, предельно обостряя интуицию, всерьез и надолго подавляет интеллект. Во всяком случае – у солдат. Поэтому все, что рассказывал Славик о себе, мы принимали за чистую монету и лишних вопросов, как правило, не задавали. Тем более, что это и не

принято было: посторонних вопросов он не любил и зачастую попросту на них не отвечал, как будто мы и не спрашивали. Кроме того, Славик был очень немногословен.

Теперь, правда, по прошествии десяти лет, сопоставив разрозненные факты и обрывки разговоров, я кое-что о Славике для себя уяснил.

Прапорщик Вячеслав Юрьевич Лепилов не был тем, за кого себя выдавал. Я совершенно уверен, что под этим видом скрывался элитный офицер одной из спецслужб. Ориентировочно, исходя из его тридцатилетнего возраста, можно предположить, что он был в чине капитана, а может, и майора, и, скорее всего, представлял разведуправление или войска КГБ. Вполне возможно, что в нашей воинской части этот человек готовился к какой-либо своей операции, а может быть, и что более вероятно, его у нас просто за чем-то спрятали на полгодика – отпуск на курорте «Файзабад» – слишком уж вольготно он провел эти шесть месяцев. Есть много фактов, подтверждающих мои предположения. Но я начну с главного – с его «легенды».

После третьей или четвертой тренировки Славик рассказал нам историю своей жизни. По его словам выходило, что сразу после десятого класса он был призван в армию и попал служить в воздушно-десантные войска. Прошел учебку по специальности «командир разведотделения», потом еще год служил в спецназе какого-то разведбата и на втором году по направлению части поступил в Рязанское высшее командное военное училище (всегда добавлял: имени Ленинского комсомола). Но через три года Славик был отчислен из училища за дисциплинарный проступок, якобы за драку, и вернулся дослуживать в часть. Оттуда он был направлен в школу прапорщиков, и потом несколько лет служил на разных должностях.

Далее начинается головокружительная карьера великого залетчика. Его за очередную драку чуть было не отдадут под трибунал, но Славике удастся избежать этого и перевестись в погранвойска КГБ СССР. Там он служил тоже прапорщиком, и тоже несколько лет все было спокойно, и вдруг за новую провинность Славика в виде наказания переводят в общевойсковую часть где-то в ТуркВО. И уже оттуда по расширению штатов – к нам.

Тогда все это казалось нам весьма убедительным и заодно снимало много щекотливых вопросов, например об источнике столь обширных познаний в области деятельности войск специального назначения, о феноменальной подготовке простого прапорщика-тыловичка и так далее. Но зато сейчас у меня возникли иные, не менее интересные вопросы.

С чего это вдруг человека, полтора года отслужившего рядовым и три года курсантом, возвращают дослуживать в часть? Насколько я знаю, военное училище – не дисбат. Как бывшего курсанта-дебошира принимают в школу прапорщиков? С чего это вдруг ВДВ делится своими людьми, пусть и залетчиками, с войсками КГБ, с чего вдруг погранвойска КГБ СССР принимают с распростертыми объятьями к себе такую цацу и как КГБ, который сроду ни с кем и ничем не делился, отдает такого парня Вооруженным Силам?

Кроме того, существовала масса незначительных фактов, которым мы тогда не придавали должного значения. Например, с утра и до вечера Славик ходил по всему полку в своем намозолившем всем глаза спортивном костюме, а если было слишком жарко, надевал вместо куртки обыкновенную

черную футболку. Правда, был еще один человек, позволявший себе роскошь пройтись иногда по территории в эластиковом костюмчике – зам. начальника штаба майор Кондратько, который попутно занимал странную должность начальника физической подготовки личного состава части. Но допускал он такую вольность только на время проведения полковых мероприятий, максимум на два часа в день.

Да и все остальное поведение Славика было под стать его форме одежды (и обуви! Днем он уставную обувь не признавал, только по вечерам – на тренировках). Честь не отдавал никому, делал исключение лишь для комполка и начальника особого отдела – здоровался с ними за руку! А подполковник Сидоров, к слову, даже комбатам руки не подавал. Никогда! Служебных дел у Славика явно абсолютно никаких не было. И еще пара интересных деталей: человек, который буквально бредил спецназом (благо, «легенда» позволяла говорить на эту тему практически открыто) и войной, ни разу не сходил ни на одну операцию, хотя имел сколько угодно возможностей сделать это в любое время и с любым подразделением, на выбор.

И последнее. Когда Славик в начале ноября 1984 года внезапно исчез из части, мы попытались что-либо узнать о его местопребывании и пошли на склад артвооружений. Капитан, начальник складов, на наш вопрос только недоуменно пожал плечами и ответил, что ему и самому интересно, но перед ним, видите ли, никто не считает нужным отчитываться, даже подчиненные напрямую «куски». Мы покрутились немного и остались ни с чем – не идти же к особисту с расспросами?!

Уже много позже я случайно узнал, что на сленге спецподразделений взять противника живым, якобы, обозначается термином «лепить». Так и говорят: «слепили» такого-то, или – они тогда-то «лепили» того-то. После этого фамилию Лепилов я стал воспринимать не иначе как насмешку.

Ровно в семь вечера Славик подошел на площадку. В его заурядной внешности не было решительно ничего, что говорило бы о присущих ему внутренних качествах. Ну, может быть, глаза... Взгляд у Славика был действительно необычен. Когда Вячеслав Юрьевич разговаривал, его темно-карие глаза, однажды поймав взгляд собеседника, уже не отпускали его до конца беседы – хочешь отворачивайся и говори в сторону, хочешь, опускай глаза долу – ничего не поможет. Кажется – слушает или говорит с интересом, внимает, а взгляд его каким-то загадочным образом деморализует собеседника. И вот он уже через минуту сбился, запутался и... замолчал. Так мы и занимались, как правило, молча. Славик объяснял нам лишь, как выполнять те или иные приемы.

Правда, обучал он нас довольно странно. Славик нас не тренировал, а просто позволял заниматься вместе с ним на спортплощадке да иногда что-то показывал, разъяснял.

По внешним своим данным Славик был очень крепким парнем, весом за восемьдесят и ростом чуть выше метра семидесяти пяти. Широкий в кости, даже немного тяжеловат на вид, но рельефных мышц, подобно тяжелоатлетам, у него не было. Славик никогда не качался и не занимался на гимнастических снарядах, чего и нам не советовал. Откуда бралась такая чудовищная мощь его ударов, мне тогда было совершенно неясно. Еще у Славика было красивое, правильное лицо, короткий ежик темных волос и не очень приятная улыбка. Я думаю, тут все дело заключалось в контрасте: губы у Славика расплывались в

улыбке, а глаза всегда оставались холодными и внимательными. Такое складывалось впечатление, что он постоянно примеряется, когда и куда тебя ударить. На того, кто хоть раз видел, как Славик бьет, это действовало неотразимо. Становилось по-настоящему неуютно.

Перед первой совместной тренировкой Славик нас построил и сжато изложил основные постулаты того, что он называл «рукопашный бой». Выглядели они следующим образом:

– Вы сталкиваетесь с противником в ближнем бою. Ваша задача: потратив на каждого не более полутора-двух, максимум трех секунд и применив по одному-два, в крайнем случае, три удара (при условии, что последний – добивающий), нейтрализовать противника не менее чем на двадцать минут (к сведению: нокаутированные боксеры встают и приходят в себя самое большое через минуту). Чтобы соответствовать этому стандарту, вы должны каждым ударом либо ломать кость, либо отбивать внутренний орган. Достигается это так: вам подбирают несколько эффективных, подходящих для вас, индивидуальных связок, и в течение всей жизни каждый из вас их отрабатывает так, чтобы бить быстро, как из ПМа, надежно, как из Калашникова, и сильно, как из гаубицы. Понятно?

Мы промывали, что понятно, и он показал первую такую связку. Та самая «коронка», которую мы уже видели бесчисленное количество раз: правой ногой в голень и правым же локтем добивающий боковой удар под углом в сорок пять градусов вниз. В полном контакте по тренажеру, несколько раз и из разных стоек – зрелище устрашающее. Потом еще пару раз медленно, но уже в контакте с нами. В заключение Славик прочел нам коротенькую лекцию о незащищенности и уязвимости ног, о том, сколько килограммов нагрузки выдерживает на излом большеберцовая кость взрослого крупного мужчины, и под каким углом ее лучше ломать. В дополнение еще поведал, почему удар локтем в основание черепа сильнее такого же по амплитуде удара кулаком в челюсть. Рассказал Славик и о том, как лучше выйти на эту связку и как перевести противника в наиболее удобное положение для выполнения задуманной комбинации. О защите же в тот вечер не было сказано ни слова.

Так мы и занимались. По утрам растягивались, разминались и дурачились, а по вечерам сосредоточенно лупили столб или другие тренажеры.

Примерно по тому же графику занимался и Славик. Но он занимался всерьез. Чувствовалось, что для него эти тренировки равны цене жизни. И все же до конца перед нами Славик не раскрывался. А вот когда подразделения расходились понарядам и территория полка как бы вымирала, он иногда появлялся на спортгородке днем. И именно на таких незапланированных занятиях можно было увидеть весь арсенал технических действий, которым он владел.

Мы раскусили эту маленькую хитрость и стали приходить на спортплощадку после развода, хотя трех тренировок в день для нас было многовато. К этому времени в нашей группе произошел естественный отбор. Миша Павличенко дорвался-таки до свободного столба и минут сорок отчаянно пытался повергнуть его наземь. Даром ему это не прошло. Миша набил себе на голени правой ноги великолепную гематому и вскоре недельки на полторы залег в санчасть. Приходил он на спортплощадку и после выздоровления, но постоянно уже не занимался.

Первый месяц наше ученичество было монотонным и немного скучным. Делали мы, в сущности, одно и то же и никак не могли настроиться, войти в ритм. К тому же приходилось часто прерываться: то

операции, то караулы, то еще какая ни будь хрень. Но потом втянулись и вошли во вкус, и постепенно сумели пробудить у Славика кое-какой интерес к себе. Вот тогда-то и произошел сдвиг в наших взаимоотношениях. Славик перед нами наконец-то раскрылся.

Честно говоря, мы поначалу воспринимали Славика как немного туповатого, целиком поглощенного своей страстью, упертого в рукопашку «куска». Нам и в голову не могло прийти, что все это лишь видимая оболочка и что он просто-напросто водит нас за нос.

Перемена пришла вместе с молодым старлеем, приехавшим по каким-то хозяйственным делам из Бахарака в полк. Старлей считал себя неплохим каратистом и, быстро вычислив Славика, подошел к нему утречком с предложением поспарринговать. Наши глаза сразу загорелись. Ведь Славик ни с кем в контакте не работал, а нам так хотелось посмотреть на него в деле.

Славик сопротивлялся минут пять. Как-то полуграмотно, вяло отнекиваясь, а потом, незаметно улыбнувшись нам своей плотоядной улыбочкой, вдруг согласился, но выставил неременное условие – полный контакт! В эту минуту он произвел на нас впечатление полного недоноска и непроходимого тупицы. Это немало озадачило нас, а старлей почти в открытую дал почувствовать Славика свое превосходство над ним. Но вот они разулись, немного размялись и начали схватку.

Бой длился неоправданно долго – секунд пять. Славик встал в корявенькую стойку уличного бойца и с ходу запустил в партнера достойный разве что обладателя второго юношеского длинный правый прямой, типа – свинг. У меня от удивления глаза на лоб полезли. По лицу старлея промелькнула тень непонимания, он еще несколько секунд, не доверяя грациозно подвигался перед «деревянным» прапорщиком, потом ему, видимо, надоел этот нелепый фарс, и старлей, брезгливо скривив тоненькие губки, быстро и отточено нанес правой ногой удар в голову. «Маваша» он выполнил очень эффектно, ничего не скажу. Меня бы, скорее всего, нокаутировал. Но спарринговал-то старлей не со мной...

Славик в момент нанесения удара мгновенно переместился навстречу и, даже не защищаясь, синхронно с движением офицера, коротко ткнул того основанием правой ладони в центр подбородка. Несмотря на то, что старлей был сантиметром на десять выше Славика, имел более длинные ноги и ударил на мгновение раньше, единственное, что он успел сделать, так это чуть-чуть оттянуть голову. Именно поэтому вектор удара Славика пришелся ему точно от бороды до центра затылка. В общем как и учил: «Направляй энергию удара не на рожу или пузо, а в глубину – бей не по телу, а по органу!» – в данном случае – по ствольным отделам головного мозга. И вот, сломавшись сразу в нескольких шарнирах, старлей, уже без сознания, как поломанная кукла, буквально сложился под Славиком, ткнувшись напоследок носом в землю.

Пришла наша пора показывать свое уменье. Похлопывая офицера по щекам, обрызгивая его водой из фляжек, мы минут за пять кое-как привели каратиста в чувство. И тут Славик произнес свою, пожалуй, самую длинную и уж точно – самую красивую лекцию.

Посчитав, что старший лейтенант вполне оправился и в состоянии осмыслить сказанное, Славик встал перед нами в позу императора и сказал:

– Вы, молодой человек, излишне увлечены внешними формами и ложной эстетикой поединка, а вот внутренний нерв боя вы упускаете. А зря! Спросите себя – что главное в рукопашной схватке? И вы увидите простой ответ: главное – победить!

И так в течение чуть ли не пяти минут. Безусловно, это был спектакль-насмешка, но, как потом выяснилось, не только...

Когда лекция была окончена, старлей неловко встал, скромно поблагодарил за науку, попрощался и ушел. Мы немного посмеялись, бурно выразили свой восторг победой Славика, а потом я, немного помявшись, спросил:

– А что, вторая часть и была знаменитым добиванием?

Славик улыбнулся, тяжело похлопал меня по шее и совершенно серьезно сказал:

– Ничего-то мы и не поняли...

Мне кажется, что именно в тот день и произошел перелом в наших отношениях. На вечерней тренировке Славик кратко повторил утренние свои наставления. Правда, опуская напыщенные фразы и заумные формулировки. А под конец добавил:

– Все, что я говорил старлею, было сказано вам. Если опустить сарказм, то получится – главное.

Мой напарник Гриша Зубенко не сдержался и с ехидным видом переспросил:

– Че опустить?

Славик просиял, играючи, легонько ткнул его в правое подреберье и ответил:

– Печень, солнышко. Печень!

На следующее утро мы уже разучивали новые связки. Мне, как бывшему боксеру, Славик подыскал удивительно коварный и, в общем-то, не очень сложный прием: надо было подсесть под практически любое техническое действие противника и нанести в область половых органов двойной косой апперкот справа не вставая, а потом выполнить добивающий удар правым коленом, желательно в лицо, еще лучше – с подхватом обеими руками за голову. Если и была в этом какая-то сложность, то исключительно в подходе – комбинация была рассчитана на предельно короткую дистанцию. Я попросил разъяснений. Славик удивленно поднял бровь и спросил:

– А когда сами начнем думать?

Тут уж я удивился и недоумевающе пожал плечами. А Славик явно наслаждался ситуацией:

– Что ты, как гимназисточка, плечиками передергиваешь?

– Не понял...

– Ну, а что непонятного?

– Все непонятно!

– Это потому, что мозгами шевелить лень! – жестко отчеканил Славик и, немного смягчившись, спросил: – Я что вчера показывал?

Тут меня осенило:

– Это что, – разыграть дурака, приблизиться, а потом подсесть и врезать?

– Не обязательно – дурака! Можно сделать полные штаны или, еще лучше, сопли распустить!

– Как это?

Славик совершенно неожиданно радостно рассмеялся и воскликнул:

– Вот так!

То, что произошло мгновение спустя, поразило меня больше, чем вчерашний спарринг. Только что улыбавшийся Славик внезапно скривился, как капризная школьница, а еще через мгновение заголосил, словно рязанская баба. Из его глаз крупными градинами чуть ли не посыпались самые настоящие слезы, щеки покраснели, из носа, выдувая лопающиеся пузыри, обильно потекло, и Славик, неуклюже растирая ладонями влагу по сморщенной физиономии, понес какую-то перемежаемую дерущими душу протяжными всхлипываниями несусветную ахинею.

Пока я хлопал глазами, он очень естественно оказался рядом и неожиданно ударил локтем под ухо. За несколько сантиметров от моей головы его локоточек с резким хлопком буквально впечатался в им же самым подставленную ладонь левой руки. Лицо наставничка было абсолютно безмятежно, и лишь остатки водицы на щеках и под носом говорили о том, что только сейчас этот человек безудержно и горько рыдал. Я, немного оправившись от шока, через силу выдавил:

– Вам надо было в ГИТИС поступать, а не в «ленинского комсомола»...

Славик только презрительно хмыкнув, занялся с Гришей.

Через неделю он заставил нас разучить еще по одной, как тогда говорили, «связочке», и заодно подробно рассказал и показал прямой удар основанием ладони в голову. У него была пространная и хорошо обоснованная теория о преимуществе удара раскрытой ладонью перед кулаком. И вообще – сжатой в кулак кистью он практически не пользовался. Я один раз поинтересовался – почему? И получил весьма любопытный ответ:

– Чтобы ударить кулаком, надо вначале ПМ выкинуть...

Ну что ж, если так, то действительно – вполне логично!

Теперь мы попеременно разучивали сразу по три комбинации и по несколько вольных ударов. «Разучивали», конечно, не очень точное выражение. Славик процесс тренировки объяснял нам следующим образом:

– Удар вначале ставят, потом отрабатывают, а потом на протяжении всей жизни нарабатывают.

Под термином «нарабатывают» подразумевалось, что делают такое количество раз и с такого обилия всевозможных положений, чтобы в любой ситуации этот удар или техническое действие было проведено в идеальном исполнении.

Часто Славик не давал нам перед тренировкой растягиваться и разогреться. Вначале мы не понимали – почему? Он объяснил:

– Нарветесь на противника и что скажете: «Ой, подожди, сейчас разомнуся!»

Мы только посмеялись над собой и опять вынуждены были признать, что Славик прав.

К тому времени он вполне вошел в роль наставника и заговорил с нами уже совсем по-другому. По-дружески, что ли? И еще он стал нам доверять. Насколько далеко простиралось это доверие, судить, правда, не берусь. Но именно тогда я впервые услышал от него в специфическом контексте термины: «глубокая разведка», «ликвидация», «акция устрашения».

Помню, один раз возник спор. Славик изложил свою теорию превосходства войск спецназначения над всеми остальными вооруженными силами:

– Если все же начнется... то через двадцать минут от армий одни головешки вонять останутся. Но еще долго, очень долго по руинам будут бродить злые мужики в камуфляже... Будут жрать человечину, продолжать свой род и делать то, что они умеют делать лучше всего – убивать врага. Если кто-то и победит в той войне, то именно они!

Мы сказали, что если дело только лишь в том, чтобы сражаться малыми группами, то мы такой же спецназ. Ну, может, не так хорошо подготовленный. Он засмеялся:

– Нет... Нет, ребятки. Вы не спецназ... вы дети!

Тут уж мы взвились – хороши дети! И давай ему перечислять на пальцах все, что роднит нас со спецназом. Славик долго слушал. Делал удивленные глаза, непонимающе чесал затылок, согласно кивал головой и в заключение подвел итог:

Все, что вы перечислили – бредятина! Единственное, что вас действительно немного роднит со спецчастями, так это то, что вы действительно зачастую действуете малыми маневренными группами в отрыве от основных сил.

Мы с умным видом важно кивнули. И тут он продолжил:

– Но лучше бы вы сидели по домам! – и, не дав нам и рта раскрыть, добавил: – Одной вашей мобильности достаточно, чтобы заранее на всех крест поставить!

– А чем наша мобильность плоха?

– Тем, что вы тащите своих убитых и раненых.

– Ну, так не бросать же?!

– Не бросать... Но быть готовым – и добить и оставить...

И тон у Славика при этом был таков, что мы поняли – спор окончен.

Примерно тогда Славик показал нам и основные приемы владения холодным оружием. Пользовался он только ножом, причем самым обыкновенным – каким-то укороченным вариантом обоюдоострого штык-ножа от АКМа, так – сантиметров под тридцать вместе с рукоятью. Все то же самое – очень простые, предельно эффективные и внешне неказистые действия, выполняемые с удивительной скоростью и точностью. Они вызывали у нас те же чувства, что и Славиковы удары по столбу – мама!

Он, конечно же, был настоящим мастером своего дела. Все, что он делал, отражало суть его слов: «Простота и эффективность». Стиля, как такового, у него не существовало. Он наверняка никогда не был ни боксером, ни борцом или самбистом, ни уж, тем более, каратистом. Во всяком случае,

превалирующей базовой техники в его действиях не просматривалось. Ногами он бил страшно, но не выше паха. Руками, вообще непонятно – в боксе нет таких ударов. Из борцовской техники помню только удушающие и скручивающие на позвонки и пальцы рук.

Кроме всего прочего он был весьма невысокого мнения о ценности спортивных видов единоборств в прикладном применении. Особо жестоко насмеялся над каратистами, явно – не уважал. Из всех олимпийских видов спорта отмечал, как ни странно... фехтование.

Очень хорошо его отношение к спортивной или армейской «классике» иллюстрирует пример, как он доводил некоторые приемы.

Есть в армейском рукопашном бое такое техническое действие, как «Снятие часового». По «науке» выполняется следующим образом. Выходишь на противника сзади, резко толкаешь, вкладывая энергию всего корпуса, плечом в поясницу, одновременно поддевая руками ноги за щиколотки. Пока противник падает, а ты держишь его за растопыренные ноги, бьешь «пыром» в пах. Потом падаешь ему коленями на почки и одновременно толчком, обеими руками всаживаешь лицом в землю. Лишь после всего этого захватываешь локтевым сгибом за шею и, обхватив туловище сцепленными в замок ногами, перевернувшись на спину, начинаешь душить.

У Славика аналогичный прием выглядел на порядок проще и действенной – общее только в подходе сзади. Подошел, резко, толчком наступив ногой под коленный сустав, посадил противника вниз, зацепил сцепленным воротом из двух рук за шею и придушил одним, взаимосвязанным движением. Настолько быстро, просто и... опасно, что даже никогда и не отрабатывали друг на друге само удушение. Так он и это убийственное действие умудрился «улучшить». Как-то показал все это, только вместо «опорной» руки использовал палку, а вместо удушения, используя винтообразное ускоряющееся движение корпуса, аналогичное известному приему борьбы «рывок за руку», – перелом шейных позвонков.

Вспомнил еще интересную особенность. Славик в своей ножевой технике применял исключительно «прямой» хват и никогда не использовал такой модный в кинобоевиках «обратный», когда гарда лезвия упирается в мизинец. И еще нюанс – при удержании ножа в руке, его указательный палец всегда ложился поверх кольца, выполняющего в штык-ноже роль гарды – как за спусковой крючок пистолета держал, прямо. Я до сих пор, рассматривая чужие коллекции, обращаю внимание, – заточено ли основание клинка или нет. До сих пор интересно, как бы Славик с таким аппаратом управлялся бы?

Да и без этих мудреных дел превосходство Славика над нами было тотальным. Причем, не только в рукопашном бою, а и во всех остальных вопросах, часто далеких от армии. О любом предмете Славик имел свое собственное, хорошо обдуманное суждение.

Один раз зашел традиционный разговор о всеобщем армейском бардаке. Послушав нас, Славик неожиданно сказал:

– Если бы в приказном порядке вооруженные силы в полном составе перешли на немецкий язык, то через три-четыре года был бы у нас полный Ordnung (нем. порядок).

Сказал он это как бы самому себе, но мы с Зубом тогда почувствовали в его словах какую-то, возможно, запредельную правду и, как по команде, заткнулись.

В следующий раз разговор зашел о вечной, можно сказать, теме: «война и мирные жители». Славик опять немного послушал нас и вдруг высказал свое мнение о мирных жителях: «Поддерживаешь – виновен!»

А через минуту подвел итог нашей беседе:

– Спецназ – вне морали!

Честно говоря, я далек от мысли, что в «ленинке», или где там еще Славика натаскивали заниматься подобными внушениями. Скорее всего, это были опять-таки его собственные и, возможно, проверенные на практике идеи.

А в середине октября у Славика вдруг случился залет. Очень странный и непонятный случай.

Около двенадцати ночи, засунув в задний карман своих неизменных штанишек пистолет Макарова, Славик пешком отправился в «столицу». Его спросонья попытался остановить дневальный по КПП. Пока ошарашенный солдатик собирал разбросанные части несколько секунд тому, походя у него отобранного и на ходу разобранный автомат, Славик, послав подальше боевое охранение, двинулся по дороге в город.

От Файзабада до полка было восемь километров уезженной грунтовки, на которой и днем-то бывали засады духов, не говоря уж о ночи. Было на том пути и несколько многострадальных афганских постов, четыре кажется, охранявших исключительно самих себя.

Естественно, что Славика ни на одном из них не остановили, и он благополучно добрался до окраин. Но уже в городской черте, перед группой зданий, занимаемых советскими военспецами и местной «элитой» (а именно туда, по всей видимости, он и направлялся), стояла мощная точка ХАДа, и там его якобы задержали. Что было дальше, я не знаю, но утром с почетным эскортом двадцати с лишним автоматчиков афганской ГБ Славика на открытом грузовике доставили в часть и сдали на гауптвахту.

Неизвестно, что после такой выходки случилось бы, например, с моим ротным – мог бы месяц на губе просидеть, а мог бы и под трибунал попасть или, еще куда лучше угодить. А вот что случилось со Славиком, известно: не забыв перед сном часок размяться на площадке, он уже в двенадцать часов дня мирно посапывал у себя в комнате.

На следующее утро, не зная, как подступиться к Славiku с расспросами, я очень «тонко» пошутил:

– А что это за мода такая пошла – с ПМом на дело ходить? Зашли бы к нам, мы бы чем-либо и посерьезней снабдили бы.

Славик помолчал, а потом, хищно улыбнувшись, спросил:

– А чем тебе мой ПМ не нравится?

– Та... тоже мне оружие.

– Угу... Если тебе кто-то скажет, что Макаров – дерьмо, то пошли его как можно дальше. Не поймет – объясни: подошел, подсел... ну ты знаешь...

Вот такой подробный рассказ получили мы о цели его ночной прогулки.

В начале ноября 1984 года на одной из вечерних тренировок Славик, немного размявшись, неожиданно сказал:

– Что-то не тянет сегодня... Посидим?

Сели.

Вечер был довольно теплым, мы с Зубом расслабились, закурили и так, лениво болтая, просидели часа полтора. Вообще, ситуация была исключительная – так долго мы со Славиком никогда не разговаривали. Говорили о разном. Например, о маскировке. И я вдруг обратил внимание, что советы Славика касались маскировки лишь в условиях городов, причем, наших городов, советских.

– Если вы будете всегда казаться незаметными, – объяснял он, – то сразу попадетесь. Тем более, если круглосуточно будете в готовности к действию.

Я уточнил:

– Как это?

– Ну, как... Темная свободная универсальная одежда и обувь, набитые руки или неизменные перчатки, очки, стрижка, морда с печатью суровости, специфические движения...

Мы засмеялись.

– Ну а как надо?

Ну, во-первых, иметь вид добропорядочного, но не слишком преуспевающего гражданина – костюм, галстук и прочее... Чуть помятая рубашка, допустим. А во-вторых, желательна яркая, невоенная деталь, чтобы чуточку выделяться, но не слишком – патлы или, например, борода. И все - ты учитель, инженеришка – никакого интереса уже не представляешь.

– ?..

– А кому вы с бородой нужны? Тоже мне – хипарь-диверсант. Смешно! А вот сбрить – дело одной минуты. Кстати, чудаковатые считаются самыми безопасными. Не знали? Да? Многие не знают. Люди... они так наивны...

Поговорили и разошлись. Утром он не пришел. Вечером тоже. На другой день пошли искать. Уехал... Очень своеобразное у нас получилось прощание.

А его теорию о неприметности чудаков я проверил на нем же. Через пару месяцев никто в полку о Лепилове уже и не помнил. И когда я в соседних ротах ради спортивного интереса спрашивал о нем, только немногие, напрягшись и наморщив лбы, с трудом вспоминали:

– А! Помню... Спортсменчик какой-то. Славик, говоришь... Может, и Славик.

– Не помнишь – кто он?

– Он? Та никто... летеха какой-то. Наверное, полный придурок. Ну его, пустое место!

Вот так. Люди... они так наивны!